

Заседание шестое.

Председатель – Ю.П. Дусь, П.А. Ореховский, В.И. Разумов

Секретарь – В.В. Лизунов

Круглый стол: Влияние кризиса на социальные коммуникации и будущую структуру российского общества. Место науки и образования (причины и прогноз генезиса кризиса, финансовые, экономические, институциональные аспекты; механизмы осмысления и описания) (Часть 2).

Ореховский П.А.

КРИЗИС И БУДУЩАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. МЕСТО НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Уважаемые коллеги! На семинаре уже много говорилось о возможностях инноваций и месте науки и образования в процессе экономического развития. Однако сейчас у нас «на дворе кризис», поэтому представляется необходимым обсудить дальнейшие перспективы российской экономики, особо имея в виду ракурс – что будет с наукой и образованием, и их ролью в реализации инноваций.

Чтобы начать дискуссию, я выскажу несколько предварительных тезисов.

Во-первых, долгое время считалось, что Россия – это такая «тихая гавань», никакого кризиса у нас нет. Поэтому необходимо зафиксировать симптомы кризиса, которые сейчас уже получили общее признание. Они следующие:

– финансовые симптомы: падение индексов ценных бумаг, обесценивание залогов, рост невозврата кредитов, снижение капитализации, падение доходов бюджета;

– реальные симптомы: спад производства, снижение объемов строительства;

– социально-экономические симптомы: снижение реальных доходов (рост цен опережает рост зарплаты), ошутимая безработица.

Всё это достигло таких размеров, что отрицать наличие кризиса в российской экономике сейчас уже, наверное, неприлично.

Во-вторых, – и это для нас принципиально – следует определить, имеет ли данный кризис преимущественно циклическую или структурную природу? В последние годы проявили себя следующие процессы:

а) в результате начала импортозамещения и восстановления доходов населения после 1998 г. шло накопление товарных запасов. Имел место так называемый цикл Китчина, в рамках которого мы получили небольшой спад в 2003 г. Следует отметить, что и к осени 2008 г. российская экономика подошла с достаточно большим уровнем товарных запасов;

б) уже с 2002 г. в России начинается строительство новых заводов, приобретение нового оборудования, рост реальных инвестиций. У нас так или иначе введено в строй больше десятка новых автомобильных заводов, введены большие мощности по производству строительных материалов, включая хорошо известные пластиковые окна, плитку, ламинат. Ничего этого раньше не производилось. Обновление производственных мощностей осуществляется в рамках цикла Жуглара – и к 2008 году, по идее, должен был начаться массовый «возврат» этих инвестиций, т.ч. можно было ожидать замедления темпов прироста капитальных вложений;

в) наконец, уже с 2002-2003 гг. темпы гражданского, и в первую голову, жилищного строительства резко увеличиваются. При этом цены на жильё подстёгиваются ипотекой, так что разрыв между доходами и ценой единицы жилья увеличивается, на рынке недвижимости образуется «спекулятивный пузырь». И это тоже циклическое явление, известное, как цикл Кузнеця, длительность которого занимает порядка 18-20 лет.

Таким образом, влияние циклического фактора на кризис российской экономики, на мой взгляд, конечно, имеет место. Это – помимо внешних шоков, таких, как цены на нефть, газ, металлы, удобрения, которые мы экспортируем.

Если же говорить о структурных факторах, таких, как отсутствие в России национальной инновационной системы, то нам нужно определиться с понятиями – что мы понимаем под «наукой» и «образованием». В нашем обществе эти понятия амбивалентны, что служит основой для массы различных спекуляций. Так, например, под «наукой» часто понимается:

– процесс познания истины. Тогда, говоря о науке, нужно рассматривать стандарты процедур получения нового знания, верификацию, существующие коммуникации между учёными, роль научных изданий и конференций. Скажем, ситуация, когда коллега выступил, потом собрал бумажки и ушёл, не слушая других исследователей и не

принимая участия в обсуждении, вряд ли может соответствовать такому пониманию науки, как «движение к истине»;

– продажа обществу какого-то «единичного товара». В этом случае наука – это просто отраслевой рынок, подобный аудиторским, медицинским или, скажем, дизайнерским услугам. Здесь действуют свои законы пиара, ценообразования, сбыта. И, главное, чтобы потребитель был доволен, что к «процессу познания истины» не имеет никакого отношения;

– наука – это юридическое лицо, т.е. Академия наук. Тогда организация исследований – это академический менеджмент, а связи науки с производством – связи бизнеса с Академией наук. И, скажем, преподавателя вуза такая «наука» уже не касается, более того, автоматически получается, что, не имея контактов с академическим НИИ, он наукой заниматься не может.

Аналогично, когда мы говорим об образовании, то следует различать два распространённых понимания этого социального института:

1) образование – это сохранение, передача, увеличение нового человеческого капитала. В этом случае мы обсуждаем, в сущности, хранение, обработку и передачи знаний новым поколениям студентов. Последние – не персональные компьютеры, слушателей необходимо учить приёмам мышления, умениям решать новые задачи, поэтому образование здесь – это часть общей культуры, которая может иметь только косвенные стоимостные оценки;

2) образование – это рынок пропусков в более высокую страту. В этом случае престиж вуза конвертируется в стоимость диплома, человек с относительно дешёвым дипломом провинциального вуза знает и умеет априори меньше, чем человек с дорогим дипломом вуза столичного.

В этом отношении наука как производство единичного товара и образование как рынок дипломов сохраняются всегда, какие бы кризисные явления не происходили. На мой взгляд, проблема как раз в том, что у нас сохраняется мало науки как движения к истине, и мало образования как процесса передачи знаний. И кризис для России является структурным, поскольку в настоящее время у нас нет механизма перехода к тому самому инновационному развитию. В то же время правительство предпринимает определённые шаги в реформировании вузовского образования и организации науки. Одновременно ведутся

большие дискуссии о том, как такие реформы должны выглядеть. Я хочу представить две эскизные схемы. Первая представляется наиболее вероятной – и часть этих мероприятий уже осуществляется:

- объединение государственных вузов;
- выпуск бакалавров «частными вузами»;
- ликвидация ВАК и присвоение ученых степеней государственными вузами;
- сохранение РАН как «сторожа» для науки;
- связь науки и образования с «бизнесом» через «государство».

Ликвидация ВАК, возможно, представляет собой некоторое преувеличение, но всё остальное так или иначе постепенно делается. Я бы назвал это инерционным вариантом. Второй вариант, более радикальный, выглядит примерно так:

- объединение вузов и НИИ РАН при сокращении их числа;
- ликвидация частных вузов. Приватизация крупных государственных;
- ликвидация ВАК;
- ликвидация государственного финансирования подготовки специалистов и «бюджетных НИР»;
- прямые связи «бизнеса» и «науки».

Об этом тоже шла речь ещё в середине 1990-х годов, впервые нечто подобное предлагал тогдашний министр науки Б. Салтыков, за что получил прозвище «научного Чубайса». Противником этого варианта выступила тогда Академия наук. Сейчас этот вариант периодически тоже «всплывает», но скорее в экспертных кругах, не для «широкого обсуждения».

В связи с этим я бы предложил обсудить следующие вопросы. Кризис, несомненно, будет способствовать переосмыслению роли науки и образования, их взаимоотношений с бизнесом и властью. Поэтому просьба оценить возможные пути развития науки и образования в России – хотя бы в рамках сравнения этих двух сценариев – и обязательно дать собственную оценку: будут ли способствовать те изменения организации науки и высшей школы переходу нашей страны на инновационный путь развития, отказу от её сырьевой ориентации.

Валерий Викторович Мищенко, прошу Вас начать, и далее – по кругу.

Мищенко В.В.: Величина федерального бюджетирования в вузах сокращается, число вузов на федеральном бюджете также уменьшается. ГУ ВШЭ – уникальный вуз, представлен отдельной строкой в федеральном бюджете. Таких мощных источников финансирования больше никто не имеет в стране.

Если мы хотим инновационное, точнее индустриальное развитие, то нам необходимо иметь определённую долю в бюджете на образование, здравоохранение. Рано или поздно мы перейдём к тому, что бюджет будет определён заранее, на несколько лет вперёд, и долю образования, науки надо повышать. Мне кажется, что золотые времена вузов прошли.

Ореховский П.А.: Валерий Викторович, то есть – сглаженный «первый» вариант, но – дождёмся снова высоких цен на нефть, и дальнейшее увеличение финансирования может привести к инновациям, индустриям. Алла Стефановна, пожалуйста.

Книга А.С.: Мне кажется, что уже сейчас идёт скрытый процесс изменения положения вузов в связи с массовым образованием. Я не уверена, что у нас действительно высшее образование имеет место быть, несмотря на университетские и прочие дипломы. Отсюда вполне реально продолжение этих тенденций в рамках «первого» варианта, потому что бакалавриат – это попытка компромисса между требованиями высшего и массового образования. Недавно этот вопрос мы обсуждали, правда, в другой плоскости: наше министерство считает, что у нас не должно быть высшего профессионального образования – должно быть просто высшее образование. Тем не менее стандарты, которые предлагаются, – это стандарты ВПО.

Если не случится каких-то серьёзных воздействий извне – с точки зрения, общей ситуации, политической, то, скорее всего, вариант пойдёт «первый».

Ореховский П.А.: Это позволит перейти на инновационный путь развития, индустриальный путь развития?

Книга А.С.: Если жизнь не заставит, то не позволит.

Ореховский П.А.: А тут жизнь не заставляет?

Книга А.С.: Не заставляет до тех пор, пока эти тенденции не изменятся. Я просто не знаю, когда наступят внешние факторы.

Ореховский П.А.: Наверное, когда нефть кончится?

Книга А.С.: Необязательно: есть какая-то инерция. Если не произойдёт дифференциации вузов по уровню образования и качеству исследований, то так понемногу всё и идёт.

Ореховский П.А.: Понятно. Олег Станиславович, прошу Вас.

Анашкин О.С.: Трудно комментировать, потому что не отгадать, куда всё двинется. Направления могут быть и те, и другие. Есть вопросы по обоим вариантам. Например, относительно ликвидации ВАК – если система будет двигаться по пути копирования западного образца, то естественно рано или поздно, что мы все доктора будем защищать «PhD». Сразу станет вопрос, как переводить наши степени. Кому-то будет обидно, что он и кандидатскую, и докторскую – напрягался, а кто-то сразу получил «PhD» и стоит наравне.

С моей точки зрения, это всё глупости и игры. С возрастом понимаешь, что любая награда не стоит ничего, и «самовар» можно заканчивать с золотой медалью и «самоварное золото» на себя вешать. Вы выбираете в себе в компаньоны, друзья тех людей, с которыми вам приятно работать, а не которые увешаны регалиями, только делают «распальцовку», а из себя ничего не представляют.

В этом плане мне нравится, как работает Высшая школа экономики, потому что открытость и присвоение рейтингов студентами преподавателям, так и присвоение рейтингом курсам, публикация курсов – открытость позволяет поднять рейтинг самого вуза.

Ореховский П.А.: Считаете ли Вы реальным другим вузам повторение и позиционирование себя по образцу «вышки»?

Анашкин А.С.: Наверное, нереально, потому что у нас уникальная ситуация. Тем не менее, если на регионально уровне сложилась смычка бизнеса и властей – только тогда возможно повторение.

Есть ещё один вариант. «Вышка» активно распространяется на регионы. Можно «упасть» под «вышку». «Вышка» сейчас в Перми, Питере, Нижнем Новгороде. Неплохо себя ощущаем. Там и местные, и приезжие преподаватели. Те же гости, которые приезжают в столицу, с удовольствием едут и туда – на места. Поэтому студенты, они ближе становятся. Уникальность «вышки» можно повторить через филиал.

Ореховский П.А.: Понятно – у вас такая инструментальная рекомендация. Георгий Виссарионович, пожалуйста.

Семёнов Г.В.: Я считаю, что я решаю, работать в этом вузе или не работать. Понятно, что вся эта административная лихорадка мешает. Если вы собираетесь объединять вузы – давайте обсуждать этот проект, а не просто лозунги.

Выпуск бакалавров частными вузами – а если частный вуз стал элитой? Собрал хороших специалистов – что он не может иметь магистратуру?

На самом деле тенденция просматривается как следствие неких административных рынков – это тенденция, что даже те магистратуры, которые были открыты – они будут закрыты. Если у вас нет магистратуры – значит, у вас нет аспирантуры. Если у вас нет аспирантуры – куда вы поедете? – В Москву. Или станете филиалом. Эта линия совершенно чётко просматривается. Мы собирались и обсуждали это на нашей кафедре менеджмента – многие высказывались по этому поводу, люди достаточно проницательные.

Как на это реагировать? – Посмотрим. Мы должны сохранить профессиональную сеть. Сохранив её, мы посмотрим, играть в эту игру или нет. В частных, в государственных вузах решать. Своих ректоров делегировать. Ещё что-нибудь.

Ореховский П.А.: Есть вероятность того, что страна повернётся на инновационный путь, или всё останется по-прежнему?

Семёнов Г.В.: Это общее. Я не умею на такие вопросы отвечать – они соответствующим образом должны быть заданы.

Я хотел бы вернуться к той схеме, которую мы рассматривали перед перерывом. Там написано «правительство», «бюджетники» и «бизнес». На самом деле правительство – это бизнес. Я общаюсь с этими людьми. Они решают, полезную работу я делаю или нет, и не в Москве. То есть в регионе решают. Если я делаю полезную работу, у меня нет проблем с распределением выпускников: на них предъявляется спрос, они рекомендуются в профессиональных предпринимательских сетях. Здесь – личные контакты. Я думаю, у Юрия Петровича они есть. Они формируют некое общественное мнение, позитивное, в отношении выпускников той или иной профессии, той или иной специальности. Практики должны давать прикладной материал для выполнения дипломных проектов – не более того. Здесь я с вами аб-

солютно солидарен. Это везде есть. Советы попечителей – они могут играть свою роль, могут не играть. Это вопрос времени и места и постановки задач перед попечителями.

Ореховский П.А.: Я согласен с Вами. Самое любопытное, что когда вы смотрите с позиции «бюджетника» на «правительство» и «бизнес», то это одно и то же. Для бизнеса – власть, бюджетники и «вся эта наука» – тоже одно и то же.

Семёнов Г.В.: Не совсем так. Может быть, Татарстан в этом смысле немного выделяется. У всех есть дети, и все хотят, чтобы дети были образованными. Вот и всё. Когда ставится на уровне республики задача воспроизводства интеллектуального, человеческого капитала народа – это серьёзно, чтобы там не происходило в Москве. То есть это серьёзно, это независимо. А сохранение неких ценностей, элитности, знаний, образования – это и у других народов наблюдается. И легче работать получается.

Что касается учёных степеней – я к этому спокойной отношусь: есть люди самореализованные и нет. Могут прекрасными своими работами подтвердить эту степень за рубежом. В идеале – очень быстро в течение года – «PhD» в американском университете. У меня есть такие ученики. Всегда есть возможность оттока «туда» ... при всех этих «великих реформах».

Что касается – наука / не наука, инновационность / не инновационность – это вопрос ценностей. Я вчера об этом говорил. Должны формироваться ценности, а не административные решения.

Ореховский П.А.: То есть должна формироваться культура?

Семёнов Г.В.: Я ещё раз повторяю пример про «ботаников». Когда те, кто занимается наукой в стране, – «ботаники» – может, им уехать? И пусть без «ботаников» живут, и постепенно превращаются в большую грязную резервацию, вонючую, большую. К этому идёт на самом деле. Это надо просто понимать.

Ореховский П.А.: До сих пор ничего не поняли?

Семёнов Г.В.: Если мы не собираемся никуда уезжать, то частные, государственные вузы – идёт какая-то «игра в напёрстки». Смотришь – вот он здесь, вот он здесь, вроде был здесь. Сколько можно напёрстками заниматься.

И второе – это старая позиция – он касается федеративного устройства России. По мере того, как этот процесс колонизации будет углубляться – будем ездить в факторию. Ничего обидного в этом нет, просто будем ездить в факторию: все мы станем филиалами, представительствами и будем взаимодействовать с совершенно конкретными людьми по совершенно конкретным вещам. Но они должны очень чётко понимать, что в этом случае – это колониальные территории. Я думаю, значительная часть людей, на них проживающая, этого не захочет.

Ореховский П.А.: Владимир Васильевич, пожалуйста.

Лизунов В.В.: Я бы хотел продолжить Георгия Виссарионовича. Я специально ездил в Казань по изучению опыта региональных образовательных кластеров. В Интернете везде высвечивался опыт Казанского аграрного университета. Они выпустили Постановление Правительства Республики о том, что у них организуется отрасль. Министерство курирует эту отрасль, подразделения, которые специально занимаются развитием технологий непосредственно в этой отрасли. Головной образовательный вуз существует в этой отрасли. Заключаются договора с подразделениями по производству, переработке сельхозпродукции с двенадцатью районами Татарстана. Профильная подготовка школьников – с самого низшего уровня, профилизация школьников в этой отрасли. И возникает такой образовательный кластер.

Основное условие – Правительство поддерживает. Транзакционные издержки уменьшаются. Кластер образуется. Определённые налоговые льготы, специальные правила прописываются. Сохраняется конкуренция внутри кластера – это самое главное. С одной стороны – сеть образуется, с другой – конкуренция сохраняется. Я думаю, такие региональные кластеры будут очень полезны в наше время, потому что будут выделяться именно те вузы, которые будут работать на отрасль, на регионы. Никаких управляющих компаний специально не создаётся. В вузе есть кафедра, которая отвечает за эту отрасль.

В Казанском техническом университете создали три кластера, три разные кафедры в них участвуют. Мне кажется, это очень важно. Наши кластеры мы по этому же образцу прорабатываем сейчас в Омске.

Ореховский П.А.: По сути, Вы говорите, что предложенные варианты к реальному развитию России, образования и науки, не имеют. То есть опытным путём нащупывается вариант соединения образования и науки с отраслью – формируются кластеры. Поэтому постепенно Россия через кластеры, через преодоление кризисных явлений она автоматически сама перейдёт ...

Лизунов В.В.: Да. Будет саморазвивающаяся система.

Ореховский П.А.: Хорошо, я понял. Спасибо. Пожалуйста, Женя.

Рыбьяков Е.А.: То, что уже говорили – это, конечно, интересно. Мой взгляд на образование, науку более пессимистический. Транслируя те процессы, которые происходят в общеобразовательной школе, глядя на тех студентов, которые приходят на первый курс ... У нас, в педуниверситете набор, может быть, значительно отличается от госуниверситета, но те студенты, школьники, которые приходят на первый курс, вызывают пессимистическое отношение, к будущему, в том числе.

Конечно, из ста двадцати человек набора остаётся тридцать-сорок, которые к пятому курсу становятся более подготовленными к жизни, что ли. Остальные – люди, которые в принципе необучаемые, их учить невозможно. Я считаю, что это результат тех реформ, которые проходили в школе.

Переходя к высшей школе – аналогичные реформы, которые будут здесь осуществляться, приведут к аналогичным результатам в высшем образовании. Из предложенных двух вариантов, я думаю, что наиболее вероятен «первый» вариант, потому что «второй» более радикальный ... Образование – штука инерционная, и радикально её разрушить ...

Ореховский П.А.: В этом отношении результат и первого, и второго варианта одинаков? По сути, будет продолжаться стагнация и медленное отложение образовательных структур? Вы предполагаете, что переход на инновационный путь, по сути, невозможен?

Рыбьяков Е.А.: Инновационный путь предполагает улучшение финансирования образования. Это вещь очень важная. Мне кажется, для образования внешнее финансирование должно быть более приоритетным, чем акцентирование работы учёных на получении денег. Учёные

– не предприниматели: они должны заниматься наукой, они должны учить студентов.

Ореховский П.А.: То есть Вы соглашаетесь, что будет стагнация. При этом первый вариант более вероятен. А потом начинаете говорить об увеличении финансирования.

Рыбьяков Е.А.: Нет, я говорю о том, что по-хорошему должно идти увеличение финансирования от государства на региональные вузы. Федеральные – они не в столь тяжёлой ситуации.

Ореховский П.А.: Но государство не считает так?

Рыбьяков Е.А.: Государство не считает так.

Ореховский П.А.: То есть самая большая проблема – нехватка финансирования. И если когда-то это будет решено, то потом можно будет куда-то вернуться. Хорошо, я понял. Прошу, Евгения.

Родчинко Е.: Я очень кратко скажу, что радикальность второго варианта состоит в ликвидации уже имеющегося, а взамен ничего не предлагается. Поэтому маловероятно, что из этого родиться что-то инновационное. Поэтому я выбираю «первый» вариант, когда будут объединяться госвузы, связь науки с бизнесом – через государство. Возможно, это приведёт к чему-то новому.

Ореховский П.А.: То есть Вы выбираете «первый» вариант. А здесь Вы зря говорите, что ничего не родиться – здесь вообще-то предполагается объединение науки и бизнеса. Пожалуйста, Татьяна.

Ивченко Т.: С моей точки зрения, наиболее вероятен «первый» вариант. Единственно – я не со всеми положениями там согласна. Мне кажется, что частные вузы должны выполнять роль практикоориентированных вузов, которые готовят технических специалистов, специалистов в определённых отраслях. Государственные вузы должны быть объединены и быть более стационарны. С ликвидацией ВАК я тоже не согласна.

Если мы начнём предпринимать какие-то действия уже сейчас, то есть будет адекватный ответ со стороны власти и «снизу» – то есть как «сверху», так и «снизу» ...

Ореховский П.А.: Предлагаемые Вами меры и императивы – если даже найдётся какой-то субъект, который что-то должен и что-то сдела-

ет, Россия выйдет на инновационный путь развития, выйдет из кризиса?

Ивченко Т.: Если ставить таким субъектом университет, то я считаю, что – «да».

Ореховский П.А.: Понятно. Спасибо. Юлия, прошу Вас.

Чепурко Ю.: На самом деле очень сложно выбрать либо «первый» либо «второй» вариант, потому что они оба содержат очень много отрицательных черт, которые могут привести к плачевному результату. Мне всё-таки кажется, что, скорее всего, наиболее вероятен «второй» вариант. Сейчас уже наблюдаются сдвиги в эту сторону: объединения госуниверситетов. Каждый год мы видим, что у нас сокращается число бюджетных мест.

У меня остался неразрешённым один вопрос, когда Валерий Викторович выступал по поводу массовости высшего образования. У нас сейчас высшее образование – это купля-продажа пропусков в более высокую страту. Тот, кто хочет, кого заставляют родители пойти получать высшее образование, есть какие-то спонсоры – он может пойти и получить образование, не прикладывая никаких особых усилий: диплом они всё равно получают. В этом плане если будут тенденции к сокращению количества мест в высших учебных заведениях, то, мне кажется, что за бортом могут оказаться те студенты, которые идут именно за тем, чтобы получить знания. Тем, которым вроде как особенно не нужно платить деньги, – они и так получают диплом. Может произойти такая ситуация, и что вообще тогда будет с высшим образованием?

То, что Евгений говорил – то, что у нас сейчас люди приходят необучаемые – может быть, это результат этой массовости образования.

Ореховский П.А.: Как Вы считаете, в случае реализации этого варианта вероятность России перейти к новому типу развития, инновационному, увеличивается или снижается по сравнению даже с «первым» вариантом, которые более вероятны по мнению некоторых коллег?

Чепурко Ю.: Здесь я хотела бы обратиться к тезису о связях науки и бизнеса. В первом случае связь происходит через государство. Здесь – прямые связи.

Непонятно, насколько быстро при реализации «второго» варианта наука сможет наладить отношения с бизнесом, потому что доверия со стороны бизнеса, как мы видим, нет – как мне кажется.

Ореховский П.А.: Хорошо. Дальше, прошу, Сергей.

Павлюкович С.: Когда я думал о проблемах образования, которые были освещены и озвучены в процессе дискуссии – образование – это не вещь в себе, это понятно, и причины упадка и несоответствия образовательной системы и, скажем, реального сектора вызваны не чисто специфическими, не общеэкономическими проблемами. Когда у нас финансовые потоки направляются в один регион, возникает вопрос, на каком уровне вообще должны быть реализованы инициативы по реформированию образовательной системы. Возможна ли реализация её на каком-то общегосударственном уровне? Имеет ли власть вообще представление о том, каковы потребности образовательной системы в регионе?

Если говорить о путях повышения качества образовательного продукта, то мы просто не имеем реального представления о спросе на образование. Во-первых, стороны поступающих в вузы, во-вторых, стороны бизнеса, который предъявляет спрос на выпускников. Между бизнесом и образованием существует недоверие, и оно не может, на мой взгляд, быть устранено в рамках того подхода, предполагающего определённое сращение бизнеса и образования на основе приватизации НИИ через государство. Потому что всё равно через государственный сектор будут искажаться определённые каналы взаимодействия.

Вообще говоря, если оценивать перспективы реализации того и другого пути развития, я не считаю, что велика вероятность того, что Россия, что в результате «первого», что в результате «второго» пути, может вступить на инновационный путь развития. Реформа образования, будет ли она постепенной, будет ли она радикальной, не приведёт естественно к качественному изменению всей системы в целом, потому что назревшие проблемы не решаются в рамках одного элемента.

Ореховский П.А.: Одного элемента – образования?

Павлюкович С.: Да. То есть нельзя быстро устранить те несоответствия, которые существуют, например, в трудовой сфере, когда студенты не могут устроиться по специальности в большей массе. Нельзя

решить проблемы, допустим, финансирования, потому что вузы в настоящий момент не готовы сами себя финансировать, не нацелены на предпринимательскую деятельность. С другой стороны, есть определённый резерв по увеличению финансирования – государство.

Наше образование в целом не ориентировано на инновационный путь. Получается так, что постепенная реформа образования, сопряжённая с реформами в других сферах, так или иначе будет способствовать определённому развитию.

Ореховский П.А.: У нас кризис структурный или у нас кризис циклический?

Павлюкович С.: У нас, наверное, определённое совпадение кризисов произошло.

Ореховский П.А.: Если кризис циклический, то тогда улучшение, начало экономического роста в строительстве и других сферах будет к 2020 году. Из циклических вещей мы к 2020 году мы вылезем по любому.

Но структурные вещи, в том числе образование, они не решаются в рамках циклов. Они решаются – вы решение принимаете, что у нас должна быть другая система образования. Или мы должны сохранить прежнюю систему образования – просто финансирование увеличили, и у нас всё по-прежнему.

Павлюкович С.: Вопрос в том – представляем ли мы вообще, какая будет система образования.

Ореховский П.А.: Понятно. Я понял, что выхода нет. Татьяна, продолжайте.

Чупахина Т.: Я придерживаюсь той позиции, что кризис структурный, потому что, мне представляется, что система и институты в таком виде, в котором они существуют сейчас, неспособны к развитию. Инновационный путь несопоставим никак с той системой, которая существует сейчас. Если в рамках двух путей развития – то, мне кажется, «второй» замечательно впишется в инновационный путь, когда бизнес и наука будут взаимодействовать. Но я не верю в то, что это возможно, что государство так ослабит свои позиции.

Ореховский П.А.: Вы знаете, в 1989 году никто не верил, что Советский Союз распадётся.

Семёнов Г.В.: И сейчас та же самая ситуация – очень близко.

Чупахина Т.: Если структурный кризис, то должны быть какие-то изменения. То есть они назрели и без них невозможно изменить ситуацию.

Мне было обидно слушать про бюджетных и небюджетных студентов, тех, кто платит за образование. Да, я учусь платно. Но здесь такая проблема: да есть люди, которые идут учиться платно, чтобы не идти в армию, чтобы не сидеть дома, но есть и другие варианты. Здесь нельзя обобщать.

Ореховский П.А.: Я почти уверен, что в рамках второго варианта никакого бюджетного финансирования не будет, но образовательный кредит, который, в том числе господин Кузьминов разработал, который должен идти за человеком, который хорошо учиться в школе, и ЕГЭ – вот эти ваучеры ... Какая-то система здесь, безусловно, будет предусмотрена, хотя, конечно, высокие социальные издержки разовые. Если «первое» – это высокие социальные издержки навсегда, то здесь – «разовый всплеск» этих социальных издержек будет очень большой. Пожалуйста, Наталья.

Тюлькова Н.: Мне бы хотелось прокомментировать слова Георгия Виссарионовича по поводу «ботаников». Меня все десять лет «ботаником» называли, меня это несколько не обижало. У нас было чёткое разделение: были «ботаники», и были другие, которые учились плохо – мы их называли «быдло». Они жили так, а мы жили так. Это нормально.

Ореховский П.А.: Они тоже не обижались?

Тюлькова Н.: Не знаю, куда будет двигаться качество образования. В Зимней школе, организованной «вышкой» по поводу магистратуры, было большое количество молодых людей, которые хотели идти в магистратуру, планировали это делать, но не пойдут по той причине – «потому что армия». Они пойдут в науку – писать и защищать кандидатские. Зачем нам такие кандидаты?

Ореховский П.А.: Это свидетельствует о том, что система образования выполняет не те функции, которые она предназначена выполнять?

Тюлькова Н.: По большому счёту, так и есть. Нам обещали этот момент учесть.

По поводу вопроса о кризисе. Мне кажется, что пока ещё рано говорить о том, как мы будем решать проблему этого кризиса. Мне кажется, что проблему будут решать преимущественно московская и питерская школа, а регионы лет через пять будут об этом говорить.

Ореховский П.А.: Я могу Вам сказать, что если вы в голове что-то для себя не решаете, то будет решать кто-то другой. Может быть, Абрамович на Чукотке, может быть, в Москве. Если у вас в голове нет этой проблемы – то чего её решать?

Тюлькова Н.: Меня волнует эта проблема, но у меня нет достаточных знаний для того, чтобы решать эту проблему.

Ореховский П.А.: Спасибо. Денис, пожалуйста.

Мадгазин Д.: Для того, чтобы какую-то точку зрения высказывать, мне бы хотелось, чтобы у каждого человека была некая система координат, которую он нарисует, потом свою точку зрения выстроит, и затем к нему в общем-то не «подкопаться». Впрочем, зачем?

Если есть система координат, то ответ понятен. В моём случае нет никакой системы координат, поэтому зачастую я буду голословен.

Говорили о недоверии бизнеса к образованию и так далее – если бизнесу нужны будут какие-то научные достижения, то они найдут способ, как связаться с образованием или с наукой, «выдернуть» этого человека и что-то продвинуть. Но я хотел сказать не об этом.

Когда наша система, не только образовательная, а вообще, если в комплексе всё рассматривать, – исчерпает свой ресурс, в том плане, что как только люди, главенствующее положение в этой система занимающие, как только они получают всё, что им нужно, когда дойдёт до предела – значит, будет другая система. Всё это на части разделится, и в каждой из этих частей будет какой-то свой вариант касательно образования. Я думаю, что и «первый», и «второй» вариант позволят перейти на инновационный путь развития.

Ореховский П.А.: Или возникнут ещё какие-то другие варианты. Хорошо. Наташа, слушаем Вас.

Пузина Н.В.: Я более склонна ко «второму» варианту развития, но меня смущают здесь некоторые положения. Например, ликвидация частных вузов. Мне кажется, что никто не позволит ликвидировать частные вузы в силу какого-то политического или экономического капитала. Они же не просто так созданы. Руководители этих вузов не

согласятся. Тут, наверное, какой-то промежуточный вариант нужно выбрать – через ту же систему лицензирования повышение эффективности высшего образования. Я склонна к этому варианту. Меня смущает ситуация даже не то, что с ограничением, а с ликвидацией бюджетников. В Америке с этой моделью, может быть, всё хорошо, но эту модель применять к российским условиям, наверное, нецелесообразно, полностью как она есть – её надо модифицировать. Мне не нравится, что может возникнуть ситуация, когда образование пойдёт не ориентированных на науку людей.

Ореховский П.А.: Понятно. Спасибо. Олеся, прошу.

Верховец О.А.: Мне также кажется, что «второй» вариант потенциально более инновационно ориентирован. Опять же вероятность развития инновационной составляющей есть всегда, но насколько она велика – это другой вопрос. Единственный вопрос, который меня смущает во «втором» варианте, – кто будет заниматься фундаментальными исследованиями? Будет ли госзаказ на осуществление фундаментальных исследований? Потому что бизнесу такие исследования не нужны. Им нужны прикладные исследования. Поэтому если объединение вузов и НИРов будут этим заниматься, если это объединение будет жизнеспособным, в чём я сомневаюсь, то тогда – всё нормально, и этот вопрос отпадает. Если нет – то отсутствие бюджетных средств на подобные исследования может быть ...

Ореховский П.А.: Бедная Америка – как мы их жалеем. Пожалуйста, Ирина Геннадиевна.

Князева И.Г.: Перед нами было поставлено два вопроса. На первый я не рискну дать ответ, то есть дать прогноз, каким путём пойдёт развитие образования и науки. Я не могу оценить вероятность. Может быть, у меня нет системы координат, о которой говорил Денис в этом вопросе, данных не хватает, о которых Алла Стефановна говорила – мне достаточно сложно это сделать.

Второй вопрос, связанный с тем, какой из вариантов позволит перейти на инновационный путь развития. С моей точки зрения, обе модели имеют в своих составляющих, так, как они представлены, пороки, минусы, которые в долгосрочном периоде могут привести к совершенно одинаковому результату. Ни одна, ни другая модель не позволит перейти к инновационному пути развития. С первой моделью

всё понятно, почему она не позволит ... Мы в ней живём, и только какие-то внешние очень серьёзные факторы заставят в рамках первой модели провести изменения, которые, может быть, не приведут её ко второй модели, но заставят хоть каким-то образом достичь хоть каких-то результатов инновационности. Хотя очень сложно – там системные пороки.

Вторая модель. То, о чём уже отчасти говорили: образовательные кредиты – это, конечно, хорошо, но это только частично. Здесь отсутствует то, что можно назвать «государственной селекцией». Говорили: набираем четыреста человек, из них тридцать будут заниматься, серьёзно двигать науку. В этой системе не очень понятно, где это встроено, то есть селекция на всех уровнях. А это очень серьёзный вопрос, связанный с фундаментальной наукой. Уже сегодня есть оценки, что наша прикладная наука живёт на том, что фундаментальная сделала в предыдущие годы благоденствия советского времени, когда много вкладывали в денежной и другой формах. Мы до сих пор эксплуатируем этот потенциал, не создавая нового.

Ещё есть один момент, который, может быть, я неправильно поняла, где прямые связи бизнеса и науки. Вы уверены, что государство просто согласится с формированием этой площадки? Это огромная электоральная площадка, профессиональная – она может, объединившись, выработать механизмы, которые будут «потолки стеклянные» пробивать. Я не думаю, что на уровне государства нет людей, которые этого не понимают.

То, что сегодня вне московских крупных вузов, не обязательно московских – в Новосибирске есть вузы, которые можно, условно говоря, к московским приравнять, остальные вузы – когда преподаватель сведён в положение «ненаучное»: я утверждаю, что большая часть преподавателей в вузах подобных Омскому университету наукой заниматься просто не имеют возможности в силу того, что мы обязаны зарабатывать на жизнь. У кого-то есть интерес держать нас на таком уровне. Одно из самых проблематичных мест – именно это. Без этой части эта модель не имеет какого-то смысла.

Ореховский П.А.: Понятно. Хорошо. Пожалуйста, Светлана Николаевна.

Хоботова С.Н.: Я во многих позициях соглашаюсь с Ириной Геннадиевной. Мне понравился ваш термин «селекция», я присоединяюсь

ко мнению в отношении системности кризиса системы образования. Мы сейчас пытаемся говорить о возможных изменениях вузовской системы, а исходное сырьё даёт средняя школа.

Семёнов Г.В.: Семья и средняя школа.

Хоботова С.Н.: Я имею в виду, если говорить о системе образования. Поэтому я считаю, что следующий вопрос будет вытекать из государственной политики в отношении реформ всех звеньев, начиная с системы среднего образования. Вот эта «селекция» – за рубежом уже со средней школы определяют: ты можешь претендовать на поступление в вуз, на получение рабочей профессии и не более того. С этой точки зрения, для того, чтобы мы имели возможность работать и внедрять инновации с качественным набором тех, кто могут обучаться, – нужна селекция, развитие среднеспециального звена, которое бы отсеивало от нас, наверное, тех, кто могли бы осваивать уровень определённых знаний на уровне техникума и так далее. С этой точки зрения, возможность продвижения определённых контингентов на каждый уровень образования и науки во многом будет выстраивать ту систему, которая далее будет продвигаться. И бюджетная часть. Это самая важная составляющая. То есть если государство будет финансировать, с этой точки зрения, многие вопросы того, что мы больше будем иметь возможность заниматься наукой, а не зарабатывать на двух ставках, нормальную нагрузку осваивать и инновации двигать тогда.

Ореховский П.А.: Как Ирина Геннадиевна, Вы, по сути говоря, утверждаете, что фундаментальная наука – движение к истине, а движение к истине должно оплачивать правительство.

Хоботова С.Н.: Нельзя сказать, что «движение к истине» – это только фундаментальная наука.

Князева И.Г.: А Вы видите конкретных покупателей на эту «истину» в бизнесе?

Ореховский П.А.: Обращаю Ваше внимание, что мы говорим о разных видах науки, поэтому я пожалел бедную Америку, в которой система Российской академии наук отсутствует, а она как-то живёт со своей инновационной национальной системой. Если бы мы о терминах договаривались – было бы понятно. Галина Дмитриевна, прошу Вас.

Боуш Г.Д.: Я бы не взялась оценивать перспективы реализации предложенных моделей просто в силу недостаточной информации. Я склонна считать, что кризис в системе образования является частью структурного кризиса, по крайней мере, оценку мне бы не хотелось давать.

Что касается инновационности развития в целом экономики и системы образования, мне не кажется очевидным связь между проекта реализации будущего и инновационностью развития. Мне кажется, что если какой-то из этих проектов будет углублять ограниченность экономических ресурсов, которые есть в системе, тогда система, может быть, будет двигаться в попытках реализовать инновационный путь.

Ореховский П.А.: Поясните свою фразу «углублять ограниченность ресурсов».

Боуш Г.Д.: Чем жёстче ограничения, тем лучше развитие.

Ореховский П.А.: Тогда я понимаю, что можно прекращать финансировать наши вузы уже с завтрашнего дня, и тогда будет инновационность?

Боуш Г.Д.: Возможно.

Ореховский П.А.: Спасибо большое. Юрий Петрович, прошу Вас.

Дусь Ю.П.: Скорее всего, полно и окончательно ответить не удастся – это естественно. Я бы начал с того пессимизма, который прозвучал особенно удивительно у молодых, с точки зрения невозможности выхода России ни по «первому», ни по «второму», ни по комбинации этих двух путей к инновационному развитию. Я просто хотел бы напомнить вам второй курс, предмет «Международные экономические отношения», где вы говорили, что когда в 1953 году в Корее закончилась эта самая «корейская война», в Южной Корее не было ни образования, то есть японцы, считая их колонией, запрещали любое образование. Абсолютно отсутствовала всяческая промышленность, потому что её там, во-первых, не развивали, а во-вторых, там было сброшено бомб больше, чем за всю Вторую мировую войну на все страны. То есть это был голый человек на голой земле. Через сорок лет мы видим страну, которая благодаря, во-первых, финансам, полученным известно как, и во-вторых, благодаря глубочайшей культуре и трудолюбию представляла из себя страну, которая, по крайней мере, в прикладной

сфере, сфере производства развивалась очень динамично, инновационно и так далее.

Поэтому есть два варианта. Возникающие откуда-то средства, возникающий откуда-то высокий уровень благосостояния, развитость и социальная ответственность бизнеса, которые неизвестно откуда не появятся и быстро не созреют. Поэтому «параллелить» нас с Америкой, которая сегодня реально направляет на образование восемь процентов государственных средств, а всё остальное покрывает частным образом – этого мы ждать не можем. Этот путь быстрых инноваций в прикладной сфере на основе высокого уровня благосостояния, развитого бизнеса и отсутствия помех со стороны государства в значительной степени для нас перекрыт.

Получается, какова конкретная задача, которая стоит независимо от сценариев, которые встают, скорее всего, перед ответственными работниками именно вузов, поскольку в данном случае считать государственных чиновников ответственными за что-то, мы, во-первых, не можем по определению, а бизнес не в состоянии взять на себя такую функцию, то есть ещё по своей органической структуре неготов. У нас имеется фундаментальная наука, и у нас имеется образование, которое составляет колоссальное национальное богатство, которое принадлежит не только нам, поскольку оно создавалось той чудовищной кровью и насилием, «шарашками» и средствами, которые отбирались у крестьян и направлялись на необходимые государству военные, физические и прочие отрасли. Как написано у Татьяны в дипломе, весь этот комплекс стоит на сегодняшний день три с половиной триллиона долларов – то, что мы имеем. Так вот главная инновация в данном варианте для нас – не имея возможности перейти к быстрому, прикладному западному «благосостоятельному» инновационному пути – это отбросить всё то, что сегодня губит.

То есть понятные государственные условия, которые бы позволили отсекал несостоятельные вузы, работающие только на прибыль и на статус детей состоятельных родителей. Финансирование и условия – это, наверное, и есть два аспекта, параметра, которых мы должны добиваться всяческим путём. От нас многое зависит: мы можем добиваться этого качеством своей работы, мы можем добиваться этого, влияя на какие-то государственные, региональные органы, но главная цель – сохранить, что мы имеем для того, чтобы потом при изменении обстановки, при углублении кризиса (в моём представле-

нии, может быть, нам потребуется даже больше десяти лет для выхода из кризиса) ... Южная Корея фундаментальной науки не создаст не через десять, не через двадцать, не через тридцать лет. Поэтому давайте не искать, если административная, организационная инновация – это тоже инновация, давайте поймём, что есть наше богатство, по возможности, на всех уровнях государства, бизнеса и вузов сосредоточимся на сохранении этого богатства и подождём хороших времён, потому что кризис будет большим, тяжёлым и главное – не потерять-ся. Тут не до жиру, я присоединяюсь к пессимизму моих учеников.

Ореховский П.А.: На самом деле важная констатация: кризис, который имеет место в России, по мнению Юрия Петровича, имеет место в результате кризиса во всех остальных отраслях, в первую очередь, в банковской сфере, как финансовой, в строительстве, как промышленной сфере, но не в сфере НИОКР и сфере образования. Поэтому нужно переждать, когда у них всё наладится.

Дусь Ю.П.: Спасти и сохранить.

Ореховский П.А.: Спасти и сохранить. Никто не обвиняет образование и науку в том, что происходит у нас за окном. Виноваты все, но не мы. Константин Иванович, пожалуйста.

Грасмик К.И.: «Первый» вариант можно рассматривать если не как инерционный, то в какой-то мере бессмысленный. «Второй» вариант мы проходили: в начала девяностых годов, когда было резко урезано финансирование науки, мы знаем, чем это закончилось: всё, что не нужно, либо уехало за рубеж, либо пошло работать на вещевой рынок. Всё что осталось – осталось предприятиям.

Поэтому центральную проблему я вижу в следующем. Первое – у многих участников господствует рентоориентированное поведение. Второе – устойчивого спроса на высококвалифицированных специалистов в России нет.

Как результат – хочу привести пример. Скажем, много говорится о нехватке в России квалифицированной рабочей силы. Мы не имеем примеров, когда эффективно бы функционировали профессиональные училища, то есть предприятия решали проблемы своими силами – привлечение старых работников, обучение молодых, возможно, за счёт привлечения гастарбайтеров. Я считаю, что если произойдёт приватизация вузов, это приведёт к тому, что часть предприятий

просто закрывается, например, физические, химические, то есть естественнонаучные. Особенно в случае если не будет бюджетного финансирования мест. Поэтому если мы говорим о приватизации, то есть чтобы вузы самостоятельно отвечали за себя и самостоятельно определяли, как им эффективно использовать те активы, которые есть, – необходимо создать определённую институциональную надстройку для того, чтобы государственные деньги распределялись эффективно, чтобы вузы выполняли свои прямые функции по развитию науки и повышению качества образования.

Ореховский П.А.: То есть нужно увеличивать численность управляющих работников?

Грасмик К.И.: Нет – нужно развивать институты, которые позволят это сделать. Например, образовательный кредит. В какой мере это будет сделано, например, в сельских школах?

Ореховский П.А.: Образовательный кредит даём за счёт государственных средств?

Грасмик К.И.: Да.

Ореховский П.А.: То есть Вы фактически говорите о скрытой форме увеличения финансирования образования?

Грасмик К.И.: Нет, я хотел сказать, что такая форма была бы не совсем справедлива по отношению к некоторым российским гражданам, которые не имеют доступа к нормальному среднему образованию. Получается мы закрепляем за рядом территорий, за рядом городов отсталость.

Если речь идёт о ликвидации ВАК. Это приведёт к преобразованию образовательного рынка и больше ни к чему. Более нужной научная степень не станет.

Ореховский П.А.: Константин Иванович, я правильно понимаю, что, по Вашему мнению, нужно сохранить ту систему, которая есть сейчас, и увеличить её финансирование?

Грасмик К.И.: Нет. Необходимо повышать степень автономности российских вузов. Например, сейчас российские учреждения высшего образования не имеют права создавать малые предприятия. Значит, если появляется какая-то разработка – у физиков, у химиков – они не могут поучаствовать в доходах от её коммерциализации.

Ореховский П.А.: То есть Вы предлагаете сделать государственные учреждения, дать им статус коммерческих предприятий, но убрать оттуда риск?

Грасмик К.И.: Необязательно коммерческих. Надо дать возможность вузам более эффективно использовать свои активы.

Книга А.С.: Сейчас существует законопроект, чтобы разрешить вузам создавать.

Ореховский П.А.: Понятно. Тадеуш, прошу Вас.

Мильчарек Т.П.: Дело в том, что мне очень нравится «второй» вариант, именно поэтому я считаю, что будет реализовываться «первый» в ближайшие пять-семь лет в силу в того, что «второй» вариант по идее должен был быть осуществлён году в 1992. Мы опоздали. Если бы он пошёл тогда, возможно, всё было бы немного иначе, и мы с вами здесь не сидели.

Ореховский П.А.: Вполне возможно, что мы бы сидели в губернаторском зале.

Мильчарек Т.П.: Я считаю, что в течение ближайших пяти лет будет реализовываться «первый» вариант, а по исходу двадцати-тридцати лет – «второй». И это будет связано с обрушением властной системы в современной России.

Ореховский П.А.: То есть Вы не верите в интеллект российской элиты – пока она не деградирует, не обрушится ...

Мильчарек Т.П.: Не верю. Она обрушится лет через двадцать – пойдёт «второй» вариант.

Ореховский П.А.: Понятно. Пожалуйста, Сергей Леонидович.

Тимкин С.Л.: О вероятности. Мне кажется, что всякие реформы в образовании неотделимы от каких-то общих реформ. Очевидно, что «первый» вариант предполагает мягкие изменения, «второй» – вроде как радикальный. Я наблюдал две революционные ситуации в стране. Одна из них закончилась революцией 1989-1991 года, вторая – 1996-1997 – не закончилась. Поскольку в настоящее время власть не заинтересована в революционной ситуации, она имеет сильное внешнее давление – а в 1996-1997 не КПРФ определяет возможности смены

власти – то она не пойдёт на радикальные изменения, и в общем правильно сделает. Поэтому более вероятен «первый» сценарий.

Насчёт того – приведёт к инновационности или не приведёт. Мне, вообще говоря, инновация через деградацию не нравится. Поэтому я предпочту пусть стагнировать, но дожить до своей смерти и своей смертью помереть. Поэтому я предпочитаю первый вариант.

Ореховский П.А.: Но, тем не менее, Вы констатируете, что первый вариант не приведёт к прорыву.

Тимкин С.Л.: И второй – неочевидно.

Ореховский П.А.: Второй – неочевидно, но первый-то – точно нет.

Тимкин С.Л.: Кризис всё-таки не столько наш, сколько внешний. Тут говорилось о том, что они накладываются друг на друга. Очевидно, что структурный кризис есть, и выхода из него, несмотря на все трепыхания, не видно. Может, позже придёт решение?

Ореховский П.А.: Понятно. Владимир Ильич, Вам слово.

Разумов В.И.: Два варианта – между плохим и очень плохим выбирать. Единственно, если представить, что будет осуществляться что-то промежуточное, непохожее ни на тот, ни на другой, как у нас обычно и бывает. То есть только какие-то тренды из этих трёх вариантов определяют некий конус сценария, по которому пойдёт будущее развития.

Ни в том, ни в другом варианте я вообще выхода на инновационное не вижу. Это то, что можно было обсуждать и двадцать, и тридцать, и пятьдесят лет назад.

Если говорить об инновационном развитии – ничего не было сказано о проектах. Говорить об инновациях без проектов, на которые они направлены, – я не вижу большого смысла. Проекты какие – международные, российские (федеральные) и региональные – то есть три уровня. Причём эти проекты в некотором спектре надо размещать по степени их наукоёмкости, то есть переход к инновационному развитию – это переход к более наукоёмким проектам. Должен быть рынок проектов. Если государство выбирает инновационное развитие в качестве стратегии, то должна быть настройка на предпочтение инновационных проектов. В таких терминах я вижу.

Относительно того, как у нас науку и образование реформировать – я считаю, что с наукой и образованием произошло колоссаль-

ное вымывание кадров: по фундаментальной науке – за рубеж, а по критерию инициативность – это бизнес и власть. И честно сказать, у нас инициативных людей, претендующих на фундаментальную науку – единицы.

Ореховский П.А.: Да и по прикладной – то же.

Разумов В.И.: Я не согласен с Юрием Петровичем, чтоб переждать. Если мы сейчас не найдём в вузах некоторые внутренние ресурсы для реорганизации, то у нас будущего нет, по большому счёту.

Ореховский П.А.: Спасибо.

Обсуждение показало, что на самом деле есть варианты: «нулевой» – ничего не меняем и увеличиваем финансирование. В скрытой форме здесь присутствует представление, что кризис является циклическим. Соответственно в этом отношении проблемы перевода России на инновационные рельсы нет вообще.

К ней примыкает вторая позиция, которая тоже здесь прозвучала в рамках «первого» сценария, – всё сохраняем как есть, делаем некоторые телодвижения по увеличению контроля, отсечению неэффективных образовательных структур, по возможности, увеличиваем также финансирование, но принципиально, коренным образом ничего не меняем. Поэтому я считаю, что, несмотря на то, что коллеги говорили, что рассматривают кризис как структурный, и в образовании стало хуже, – на самом деле он – циклический, и, возможно, преодоление «мягкими» мерами.

Третья – радикальная позиция, к которой совершенно неожиданно примкнул Владимир Ильич. Происходит распад образовательных структур. Кризис – структурный. Соответственно, мало людей, которые бы готовились как активные акторы и участники новаций, а именно учёные и преподаватели в вузах. Не осталось учителей, которые могли учить этому, а, стало быть, вероятность распада здесь не нулевая. Смерть в данном случае не наступает только потому, что мы в данном случае медленно деградируем. Конец такой, что эта ситуация радикального обвала даёт очень мало шанса выхода на те самые инновации, и когда он наступит, то обсуждать будет нечего.

О моей собственной позиции я уже говорил в первый день. Я считаю, что учёные и интеллигенция проиграли и предали свою страну. Кризис, который имеет место быть сейчас, обусловлен тем, что в образовательных структурах в силу консенсуса с властью, когда нам

позволяют подрабатывать в других структурах, а мы в свою очередь позволяем первым лицам наших университетов присваивать статусную ренту и ничего не делать, – возник этот консенсус.

Кризис инновационного развития, о котором столько говорит господин Медведев, – это на самом деле ситуация, когда есть повар, который не собирается шугать кота, и есть Васька, которые совершенно спокойно ест и ждёт, когда что-то кончится. Естественно, никаких шансов выхода из этой ситуации нет, кроме того, что когда еда-то кончится и у Васьки и у повара, тогда наступит «второй» вариант. И здесь я с Тадеушем солидарен.

Я помню, в отличие от более молодой части, как Салтыков пытался в 1992 году объединить и перейти к американской форме, сохраняя фундаментальную науку, но как Российская академия наук встала «на дыбы» и сказала: «Вы что? Чтобы нас объединять с вузами? Вы что, совсем..?» Не говорилось о том, что директор академического НИИ лишится своего поста – говорилось о том, что ректор будет ректором или проректором – на первых ролях. При этом ректоры образовательных структуры говорили «Ну и пусть будет. Нам даже полегче». И всё было провалено, всё было упущено.

Я не могу согласиться с Юрием Петровичем, хотя и согласен, что нужно сохранять всё лучшее. Кризис имеет структурный характер, потому что имеет место кризис доверия – доверия у учёных нет ни к власти, ни к предпринимателям, и соответственно, обратно – у власти нет никакого доверия к учёным, что они что-то полезное несут, нет и у предпринимателей доверия. Кризис интеллектуальный, потому что мы не знаем, каким образом готовить элиту.

Кризис, о котором говорили студенты, – по сути, когда начинаете говорить о ликвидации бюджетных мест, приватизация – по факту мы уже имеем ту ситуацию, что из села, малого города приехать и поступить очень трудно. Мы уже имеем расслоение на очень богатых, богатых, на бедных и очень бедных. У нас практически не осталось средних. По сути, то образование, тренды, которые здесь есть, приводят к появлению элитных вузов, которые готовят людей, которые будут замещать господствующий класс, которые формируют корпоративное сознание, и соответственно, «отстойных» профтехучилищ, которые будут обеспечивать им людей, которые трубопроводы будут обслуживать.

По сути, идёт расслоение на кастовую систему. Конечно же, деньги здесь – один из важнейших элементов и симптомов, потому что хорошее образование и попытка учиться... Что вы думаете – для того, чтобы в Кембридже учиться сто тысяч долларов требуют в год – сто тысяч требуют не за то, что там «шибче», например, чем, скажем в Беркли, а за то, что вы там с детьми лордов учиться будете и вообще в хорошую компанию попадёте. Вот за что ещё ... Конечно, вот последний год, когда «вышка» так магистрантов набирает, и я тоже это пропагандирую, последний год, когда можно попасть «нахаляву» в элиту. Конечно, надо пользоваться этим.

Меня тоже эта система не устраивает, потому что я тоже не хочу раньше времени на кладбище. Но это кладбище, поверьте мне, будет гораздо больше, когда система сословная дойдёт до своего логического завершения и кончится, Юрий Петрович, о чём Вы говорили, – ожесточением, когда представители разных групп социальных будут опять, как это водится у нас в России, ненавидеть друг друга.

И последнее. Вы совершенно правы, когда приводите пример Южной Кореи, когда голый человек на голой земле создал то, что создал – мне нравится Южная Корея. Но не надо забывать о Северной Кореи, которая в своих чудовищных условиях создала ядерную бомбу и ракеты. И это тоже характеристика интеллектуального потенциала системы. У нас есть и то, и другое, но мы сознательно пытаемся выдать какой-то феодализм, и кризис, конечно же, в наших мозгах.

Мне не нравится в Южной Кореи отсутствие фундаментальной науки, но мне и в Северную с её «фундаментальной» наукой не хочется – фундаментальная наука там неплохая: при такой-то нищете такие ракеты запускать баллистические!

Спасибо всем за внимание!